

Классика детского фэнтези

ЕВА ИББОТСОН

МИСС
ВЕДЬМА

Изумрудный атлас

Ева Ибботсон

Мисс Ведьма

«АСТ»

1979

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ибботсон Е.

Мисс Ведьма / Е. Ибботсон — «АСТ»,
1979 — (Изумрудный атлас)

ISBN 978-5-17-095621-0

Когда Арриману Ужасному наскучило его колдовское ремесло, он долго ждал себе замены. Однако новый колдун, предсказанный цыганкой, так и не появился. Оставалось одно – жениться на ведьме и произвести на свет наследника. Но какую ведьму выбрать? Объявляется конкурс «Мисс Ведьма». Чья магия окажется самой зловещей и губительной, та участница и станет женой Арримана. Черные ведьмы без труда справляются с заданием и демонстрируют свои чары – одни страшнее других. А чем может поразить колдуна белая ведьма Белладонна?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-095621-0

© Ибботсон Е., 1979
© АСТ, 1979

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ева Ибботсон Мисс Ведьма

© Eva Ibbotson, 1979

© Н. Сечкина, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается Алану

Глава 1

Когда у мистера и миссис Канкер появился ребеночек, они сразу поняли: их сын не такой, как все.

Во-первых, малыш родился с полным набором зубов. Лежа в коляске, он с наслаждением глодал огромные бараньи кости и развлекался тем, что хватал за нос distinguished леди, по неосторожности решивших с ним посюсюкать. Во-вторых, хотя свое отношение к смене подгузников он выражал негодующими криками, глаза его при этом неизменно оставались сухими. Кроме того – и, пожалуй, это было самым странным, – когда новорожденного принесли домой и решили как следует протопить камин в гостиной, дым из трубы отчего-то повалил *против* ветра.

Поначалу Канкеры пребывали в растерянности. Однако, по словам самого мистера Канкера, в книгах можно найти ответ на любой вопрос, главное – знать, где искать. В один прекрасный день он отправился в городскую библиотеку и взялся за чтение. Мистер Канкер читал и читал, не поднимая головы, – все больше про черную магию, колдовство и про то, как с раннего возраста определить, что из ребенка выйдет чародей или ведьма. Потом он пошел домой и поделился тем, что узнал, с женой.

Разумеется, для обоих это было потрясением. Кому приятно узнать, что родной сын вырастет колдуном, да к тому же, злым? Впрочем, супруги Канкер были людьми здравомыслящими. Имя «Джордж», данное младенцу при рождении, они изменили на «Арриман» (в честь знаменитого и ужасно злобного персидского демона), стены в детской украсили бордюром с изображением тритонных языков и летучих мышей и решили, что, раз уж ребенку суждено стать чернокнижником, родители обязаны позаботиться, чтобы он не посрамил семью.

Сказать проще, чем сделать. Тодкастер, где жили Канкеры, был обычным городком, и населяли его обычные люди. Отец и мать, конечно, всячески поощряли маленького Арримана в его упражнениях, однако даже им было не по себе, когда к кормушке для птиц слетались угрюмые кривобокие стервятники. Кроме того, приходилось объясняться с соседями – а с чего это яблоня в саду за одну ночь почернела и стала похожа на руку мертвеца, торчащую из земли?

К счастью, чародеи взрослеют быстро. К пятнадцати годам Арриман без сопровождения ездил в школу на автобусе и умел вызвать бури, которые уносили сорванное с веревок белье чуть не до Оксфорда, а посему вскоре принял решение оставить родительское гнездо и устроиться в жизни самостоятельно.

Поиски нового жилья заняли много месяцев. Солнечные, открытые места Арриману не подходили, не устраивала его и близость к городу. Он искал не просто зловещего вида развалины в каком-нибудь пустынном уголке, важно было и то, какое привидение в них обитает. Выросший без сестер, Арриман робел перед женщинами и совсем не хотел за завтраком слушать жалобные вздохи Серой Дамы, летающей над столом туда-сюда, или, раздевшись в ванной догола, наткнуться на Безголовую Монахиню.

И вот наконец Арриман нашел Мрачингтон-холл – унылый заброшенный замок в тридцати милях от Тодкастера. К западу стоял дремучий лес, на севере тянулась голая, продуваемая всеми ветрами пустошь, а на востоке день и ночь недовольно шумело суровое море. К тому же призрак Мрачингтона был мужского пола, и Арриман счел, что они вполне поладят. Сэр Саймон Монпелье, в шестнадцатом веке зарезавший одну за другой своих семерых жен, теперь бродил по коридорам, терзаясь виной за содеянное, горестно стонал и звучно шлепал себя по лбу.

Тут Арриман и прожил много лет. Он творил заклинания, насылал проклятья, разрушал и наводил порчу, в общем, делал все, дабы черная магия ширилась и процветала. На зубчатых стенах замка он посадил сов, чтобы те ухали, предвещая беду, в подвалах развел саламандр, вдоль подъездной аллеи поставил обгорелые стволы деревьев, похожие на виселицы, а во дворе выкопал колодец, в котором бурлила зловонная сера. Садовый лабиринт из тисового кустарника, созданный Арриманом, был таким запутанным, что выйти из него живым не представлялось возможным, а фонтан на террасе бил кровью. Только одного не мог Арриман: воскресить сэра Саймона Монпелье. О, ему ужасно этого хотелось – ведь сэр Саймон составил бы хозяину приятную компанию, однако возвращение призраков к жизни относится к самой сложной, черной-пречерной магии, которой не владел даже Арриман.

Шли годы. Хотя колдун редко покидал замок, слава его росла. Люди прозвали его Арриманом Ужасным, Ненавидящим Солнце и Чародеем Севера. О нем начали слагать легенды – будто бы этот злой волшебник умеет вызывать гром прежде молнии и водит дружбу с самим Вельзевулом. Арриман, однако, продолжал скромно трудиться. Он стал высоким, красивым мужчиной с темными блестящими глазами, орлиным носом, изогнутым точь-в-точь как нос ладьи викингов, и пышными усами, но, несмотря на столь привлекательную внешность, даже не думал зазнаваться.

За несколько лет Арриман обустроил домашний зоопарк, в котором держал самых уродливых и отталкивающих зверей, каких только смог раздобыть, – лысых синезадых обезьян, ухмыляющихся верблюдов с шишковатыми коленями, кенгуру, свирепо лягавшихся длинными, как шпалы, задними ногами. Бильярдную Арриман превратил в лабораторию, где постоянно клокотали и смердели адские зелья, а тучи, призванные им из-за моря, беспощадно поливали крышу Мрачингтон-холла дождями.

Но однажды утром Арриман проснулся, чувствуя себя абсолютно несчастным. Он понимал, что надо бы встать с кровати и бросить кого-нибудь в серный колодец, заказать для зоопарка вонючего эму или смешать парочку новых ядов, однако у него просто не было на это сил.

– Лестер, – обратился он к слуге, который принес ему завтрак, – что-то я устал. Надоело мне все. Опротивело.

Лестер был людоедом – медлительным великаном с мускулами, как футбольные мячи. Подобно большинству людоедов, он имел только один глаз, но, чтобы не привлекать внимания, носил над ним черную повязку – пускай люди думают, что у него два глаза. Прежде чем поступить в услужение к Арриману, Лестер подрабатывал шпагоглотателем на ярмарке и до сих пор был не прочь проглотить саблю-другую – это его успокаивало.

Лестер с беспокойством поглядел на хозяина.

– В самом деле, сэр? – осведомился он.

– Угу. Так и есть. Очень уж все однообразно. Может, мне уехать? Снять комнату в каком-нибудь симпатичном городке и засесть за книгу...

Людоед пришел в ужас.

– А что же станет со Злом и Великой Тьмой, сэр?

Арриман насупился.

– Знаю, знаю – долг и все прочее... Но сколько это будет тянуться? А, Лестер? – Он нахмурился еще сильнее и в отчаянии воздел руки к небу. – Сколько?..

Лестер не принадлежал к тем узколобым людоедам, у которых на все случаи припасен лишь один ответ: «Фи-фай-фо-фам». Он посмотрел на хозяина и сказал:

– Не могу знать, сэр. Людоеды не умеют предсказывать будущее, а вот цыганки – те да. Не сходить ли вам к гадалке? На ярмарке, где я работал, была одна такая, Эсмемальдой звали. Настоящая мастерица по части предсказаний!

На следующей неделе Арриман и Лестер поехали на ярмарку в Тодкастер. Шатер Эсмеральды они нашли легко: от остальных он отличался тем, что люди выходили оттуда словно пришибленные.

– Она говорит чистую правду, – пояснил Лестер, с наслаждением втягивая ноздрями знакомые ярмарочные ароматы – жареного лука из сосисочной и перегретого машинного масла со стороны аттракциона с электромобильчиками. – Никакой там чепухи насчет дальней дороги и трефового короля.

На Эсмеральде была розовая атласная блузка, а ее волосы напоминали туго скрученные проволочки. Хотя Арриман оставил свой плащ волшебника дома и надел серый костюм в тонкую полоску, прорицательница смерила его пристальным взглядом, который, казалось, проникал в самую душу.

– С тебя пятерка, – заявила она. – Садись.

Спрятав купюру, Эсмеральда отхлебнула из бутылки с ярлыком «Джин „Гордоне“» и взгляделась в хрустальный шар. Она смотрела долго-долго, потом отодвинула шар в сторону и закурила сигарету.

– Все в порядке, – сообщила цыганка. – Он скоро явится.

– Кто? – нетерпеливо спросил Арриман. – Кто явится?

– Новенький, – сказала Эсмеральда. – Тот, кто придет тебе на смену.

– Что за новенький? – удивился Арриман.

Гадалка утомленно прикрыла глаза.

– Тебе по буквам повторить? – Она напыжилась и заговорила загробным голосом: – Грядет пришествие великого темного чародея, что превзойдет тебя могуществом. И когда придет сей чернокнижник, ты, Арриман Ужасный, сможешь сложить с себя бремя Зла и Великой Тьмы, каковое несешь на своих плечах долгие годы. – Эсмеральда открыла глаза. – Ну, теперь дошло? – сердито буркнула она.

– О да, да! – радостно воскликнул Арриман. – А когда именно он придет, неизвестно?

– Нет, – отрезала Эсмеральда. – Следующий, заходи!

Предсказание Эсмеральды окрылило Арримана. Чтобы скоротать время, он быстро вырастил живую изгородь из терновника, сочащегося кровью, бросил на скалы нефтяной танкер, на свою беду проходивший мимо по морю, и придумал новое заклинание, от которого у людей вылезали волосы. И все же большую часть времени он проводил у главных ворот в ожидании нового чародея.

И пришлось же ему померзнуть! Мрачингтон-холл располагался на самом севере Англии – чуть дальше, и упруешься в Шотландию. Через неделю Арриман обморозил мизинец на левой ноге и принял вполне разумное решение выставить у ограды Магического Дозорного. Телесную форму для этого зверя колдун позаимствовал у морского льва, но сделал его более крупным и мохнатым, а также вылепил ему широкую грудь, к которой так и хотелось прижаться. Еще Дозорный получил четыре лапы, один хвост и три головы, каждая из которых имела пару чудесных зорких глаз на коротеньких стебельках. Каждое утро на рассвете это симпатичное и весьма полезное существо, шлепая лапами, ковыляло мимо зловонного серного колодца и жуткого садового лабиринта, мимо мертвых деревьев, похожих на виселицы, и усаживалось у ворот выглядывать нового чародея.

Так продолжалось день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Средняя Голова смотрела на северную пустошь, Левая – на запад, за лес, а Правая – на восток, где рокотало море. И вот на девятьсот девяностый день унылого ожидания Дозорный потерял терпение и разозлился.

– С севера он не идет, – сказала Средняя Голова. То же самое она произносила все предыдущие девятьсот семьдесят девять дней.

– С запада тоже, – сказала Левая Голова.

– Не видать его и на востоке, – заявила Правая Голова. – А у нас ласты замерзли!

– Того и гляди совсем отвалится, – пробурчала Левая Голова.

Повисла пауза.

– Знаете что? – нарушила тишину Средняя Голова. – По-моему, старика крепко надули.

– Хочешь сказать, нового чародея *вообще* не будет?

Правая Голова кивнула.

На этот раз пауза затянулась.

– Только не говорите, что нужно известить об этом хозяина, – в конце концов сказала Правая Голова.

– Кто-то же должен, – вздохнула Средняя Голова.

С этими словами Дозорный развернулся и пошлепал обратно в замок. Арримана он нашел в спальне, где тот переодевался к ужину.

– Какие новости? – нетерпеливо спросил колдун.

– С севера новый чародей не идет, – бесстрастно промолвила Средняя Голова.

– Не видать его и на западе, – подхватила Левая Голова.

– А про восток и думать нечего, – сообщила Правая Голова, – оттуда тоже чародея не жди.

Затем головы набрались храбрости и сказали хором:

– Кажется, тебе гнусно наврали. Навешали лапши на уши.

Пораженный Арриман уставился на Дозорного.

– Да ты с ума сошел! Не может этого быть! – Он обернулся к Лестеру, который стоял рядом и собирался подровнять хозяину усы. – А ты что скажешь?

Людоед озабоченно почесал лоб под повязкой.

– Прежде Эсмеральда никогда не ошибалась, сэр. Но, говорят, и на старуху бывает...

Его слова потонули в истерическом вопле Арримана: схватившись за голову, черный маг всматривался в зеркало.

– Седой волос! – взвыл чародей. – Седой волос в моей колдовской пряди! О, силы тьмы и муки ада, это конец!

На крики Арримана тут же прибежал мистер Ледбеттер, его секретарь. У мистера Ледбеттера от рождения имелся маленький хвостик, из-за чего он счел себя демоном, хотя это и было глупо: на свете живет немало людей с хвостиками. К примеру, герцог Веллингтон тоже был хвостат – когда он готовился к битве при Ватерлоо, ему даже пришлось проделать в седле специальную дырочку. К сожалению, мистер Ледбеттер не знал о Веллингтоне и зазря потратил уйму времени, пробуя грабить банки и творить прочие злодеяния, пока не осознал, что преступления – не его стезя, и не пошел в секретари к Арриману.

– Что с вами, сэр? – встревоженно осведомился он. – Вы чем-то расстроены?

– Расстроен? – взревел колдун. – Да я полностью раздавлен! Уничтожен! Не понимаешь, что такое седой волос? Это старость, дряхлость и смерть! Это конец Великого Зла и Темных чар в Мрачингтоне! И где же новый чародей, мой преемник? Где, я спрашиваю?!

Дозорный тяжело вздохнул.

– С севера он не идет, – устало промолвила Средняя Голова.

– Да знаю я, дубина ты стоеросовая! – отрубил Арриман. – О том и сокрушаюсь. Делать-то мне что? Не могу же я ждать вечно!

Мистер Ледбеттер осторожно кашлянул.

– Сэр, вам когда-нибудь приходила в голову мысль о женитьбе?

Ноздри Арримана полыхнули огнем, а откуда-то из-за стены послышался булькающий стон сэра Саймона.

– О женитьбе? Ты в своем уме?!

– Если вы вступите в брак, сэра, то тем самым обеспечите себе наследника, – спокойно сказал Ледбеттер.

– Что ты несешь, черт тебя дерит? – Арриман находился на грани отчаяния и потому грубил.

– Сэр, он имеет в виду, что у вас родится маленький чародей – сын, то бишь, – который станет вашим преемником, – пояснил Лестер.

Арриман умолк в задумчивости.

Сын?..

На мгновение он представил себе прелестного малыша в колясочке, весело глодающего баранью лопатку, однако в следующую же секунду его лицо омрачила тень.

– И на ком прикажете жениться? – удрученно спросил он.

Впрочем, ответ на свой вопрос Арриман знал и сам. Все знали. Как известно, чародею дозволяется взять в жены исключительно ведьму.

– Может, не так уж это и плохо? – робко предположила Левая Голова.

– Не так плохо? – взвизгнул Арриман. – Спятели вы, что ли? Жениться на безобразной карге с бородавками и мозолями от метлы в таких местах, что и сказать стыдно? Хотите, чтобы я каждое утро за завтраком видел перед собой одну из *этих*?

– Полагаю, ведьмы сильно изменились с тех пор, как... – начал было мистер Ледбеттер.

Арриман и слышать ничего не хотел.

– Чтобы она таскалась по коридорам в нелепом балахоне, клекотала и хлопала черными крыльями? Чтобы ходила с присохшей к усам яичницей? Чтобы укладывала своего котика с нами в постель, да?

– Но...

– И всякий раз, как я буду заглядывать на кухню за бутербродиком, она будет мешать на плите мерзкое варево из лягушачьих языков, тритоньих глаз и прочей гадости? А хорошего стейка в доме днем с огнем не сыщешь?

– Совсем не обязательно, что...

– ...И станет чистить свои вонючие желтые зубы над моей раковиной, – не унимался Арриман, все больше впадая в истерику, – или, того хуже, вообще не будет их чистить!

– Ей можно отвести отдельную ванную, – резонно заметила Средняя Голова.

Однако Арриман не желал прислушиваться ни к каким разумным доводам и бушевал еще добрых десять минут. Затем он неожиданно притих и, побледнев, объявил:

– Хорошо, я согласен. Как я понимаю, это мой долг.

– Мудрое решение, сэра, – высказался секретарь.

– Как же мне выбрать невесту? – едва слышно промолвил Арриман. – Ясно, что ведьма должна быть местная, тодкастерская, иначе претензиями замучают, но как определить, которая из них самая подходящая?

– Насчет этого, – сказал мистер Ледбеттер, – есть у меня одна идея.

Глава 2

Ведьмы Тодкастера в приятном волнении готовились к шабашу. Шабаш для ведьм – все равно что поход для юных скаутов: возможность собраться вместе и заняться всякими интересными делами. Кроме того, в этот раз шабаш не ограничивался обычной пирушкой с танцами и мелкими пакостями; обещалось, что на нем будет сделано очень важное объявление.

– Интересно, о чем это? – полюбопытствовала Мейбл Бряк. – Наверное, новых ведьм представят. Вот и хорошо, свежие силы нам не помешают.

В этом она была совершенно права. В Тодкастере осталось всего семь квалифицированных ведьм. Узнай Арриман, до какого плачевного состояния дошло ведьмовство в его родном городе, он расстроился бы еще больше. К счастью, ни о чем таком колдун не догадывался.

Днем мисс Бряк торговала свежей рыбой в лавке на пирсе. Будучи морской ведьмой, она предпочитала не удаляться от воды. Ее мать, миссис Бряк, была русалкой – самой настоящей, которая жила на морском утесе, расчесывала волосы и пела. Правда, обречь моряков на гибель ей не удавалось, отчасти потому, что видом она походила на автобус, а отчасти из-за того, что огромные современные пароходы держатся высоко над водой и русалку с палубы просто не разглядеть. Так что однажды она выбралась на песчаный пляж, прихватив с затонувшего галеона горсть золотых монет, и уговорила пластического хирурга, проводившего в Тодкастере отпуск, при помощи операции превратить ее хвост в две ноги.

Магическую силу Мейбл Бряк унаследовала от матери. От отца, мистера Бряка, ей досталась рыбная лавка. В тот день Мейбл закрыла лавку пораньше, сунула в бумажный пакет несколько тресковых голов и отправилась в свой одноэтажный домик у моря. Уже на подходе она вдруг заметила стайку ребятишек, весело плескавшихся в прибрежных волнах, и, недовольно цыкнув, поджала губы. Мисс Бряк закрыла глаза, взмахнула пакетом с рыбными головами и что-то пробормотала. В воде мгновенно появились жгучие медузы, а дети с воплями унеслись к матерям.

– Так-то лучше, – фыркнула мисс Бряк. Как и большинство ведьм, она ненавидела радость и счастье.

Дома она прямоком отправилась в спальню переодеваться. Шабаш – та же вечеринка: встречают по одежке. Мисс Бряк облачилась в лиловое платье, отделанное вышитыми желтыми окуньками, а ленту для волос, которая держала ее непокорную шевелюру, украсила своей лучшей брошкой – морским слизняком в пластмассовой оправе. Потом ведьма наведлась в ванную комнату.

– Собирайся, милочка, – сказала она, склонившись над ванной. В ванне у мисс Бряк, разумеется, жил ее фамилляр. Фамилляры – это главные помощники ведьм, магические животные, и без них ведьмы – как без рук. Фамилляром Мейбл был здоровенный осьминог с бледными щупальцами, мощными присосками, оставлявшими круглые синяки, и злобными красными глазками – точнее, не осьминог, а осьминожка по имени Дорис.

– Дорогуша, не заставляй меня ждать, – поторопила мисс Бряк, пытаясь запихнуть Дорис в пластиковое ведерко, которое достала из шкафчика. – Сегодня важный день!

Дорис, однако, была настроена игриво. Едва одно щупальце оказывалось в ведерке, другое тут же выскальзывало наружу, так что мисс Бряк изрядно промокла, прежде чем сумела-таки нахлобучить на ведро крышку. Погрузив драгоценную тару в старую детскую коляску, Мейбл вышла из дома и направилась на автобусную остановку.

Фамильяром Этели Коробс был вовсе не осьминог, а, напротив, хрюшка. Этель, ведьма из деревни к западу от Тодкастера, обитала в покосившейся хибаре. Эта круглолицая женщина жила весьма просто, рубила лопатой кормовую свеклу, делала домашнее вино из пастернака и все подряд удобряла навозом. Так же, как владельцы собак часто приобретают черты своих питомцев (а бывает, и наоборот), Этель со временем стала похожа на свою свинью. Обе отличались пухлыми розовыми щеками и чрезвычайно толстым задом, обе пыхтели, с трудом передвигаясь на коротких волосатых ножках, и у обеих были маленькие серовато-карие глаза, тусклые и заплывшие жиром.

Этель работала в цехе по упаковке яиц. Занятие это наводило на нее скуку, так как почти все яйца к моменту упаковки уже успевали протухнуть и делать ведьме было нечего, но вечером, по пути домой, она восполняла этот пробел. Крутя педали велосипеда, Этель поражала овец глистами и наводила порчу на коров. Что касается живой изгороди, тянувшейся вдоль дороги между упаковочным цехом и хижинкой Этели, едва ли в ней был хоть один кустик, не покрытый болячками или не изъеденный полчищами прожорливой тли.

Сегодня Этель ехала домой, не отвлекаясь на гадости. Щеголихой она никогда не была, но в честь шабаша протерла резиновые сапоги пучком соломы и надела чистый передник с фетровой аппликацией на кармашке в виде помидоров, больших томатной язвой. Помимо прочего, с собой нужно было взять какое-нибудь угощение. На кухне ничего съедобного не нашлось, зато на коврике перед камином Этель обнаружила дохлую галку, свалившуюся из трубы.

– Славное выйдет жаркое! – обрадовалась ведьма и, подобрав галку, зашагала через огород к сарайчику за своей свиньей.

Нэнси и Нора Горлодрай, ведьмы-близнецы, работали на центральном вокзале Тодкастера. Эта на редкость склочная парочка ненавидела пассажиров, поезда и друг дружку. Стоило Нэнси объявить в громкоговоритель, что поезд на Эдинбург прибывает на девятую платформу в семь пятьдесят две, как Нора кидалась к *своему* громкоговорителю и ехидно сообщала, что эдинбургский состав опаздывает на полтора часа из-за проблем с дизелем и прибудет – если повезет! – не на девятую, а на пятую платформу.

Вот и теперь вместо того, чтобы наряжаться на шабаш, сестры в одном исподнем стояли посреди их общей спальни в квартирке на Вокзальной улице и яростно ссорились из-за фамильяров.

– Это моя курица, моя! – визжала Нора, вцепившись в хвост несчастной птицы.

– А вот и нет! – верещала Нэнси. – *Вон* твоя курица!

Ссора была нелепейшая. Сестры Горлодрай выглядели совершенно одинаково: крашенные рыжие волосы, длинные носы и желтые от табака пальцы. Они носили одинаковую одежду, спали на одинаковых узких кроватях, под которыми держали одинаковых фамильяров – куриц в плетеных клетках. Разумеется, фамильяры тоже практически ничем не отличались – сколько их таких, бестолковых рябых хохлаток, которые, чуть что, больно клюются! Правда, для сестер все это не имело никакого значения, хотя из-за затянувшейся перепалки они опаздывали на главный в жизни шабаш.

Уже много лет тодкастерские ведьмы собирались на Ветряной Пустоши – в диком, безлюдном месте, где было лишь несколько чахлых терновых кустов, пруд – в нем накануне венчания утопилась несчастная дева, – да одинокий камень, у которого древние жрецы-друиды совершали свои темные обряды.

Чтобы добраться дотуда, ведьмы арендовали автобус: спецрейс «Шабашовый» выезжал из парка ровно в семь вечера. (Полеты на метлах прекратились после того, как ведьму по

фамилии Хокеридж засосало в вентиляционную трубу «Боинга-707», летевшего из Лондона в Стамбул, и дело чуть не кончилось авиакатастрофой.)

Сестры Горлодрай продолжали шипеть друг на друга до самого автобусного парка, однако мигом умолкли, заметив на тротуаре возле автобуса миниатюрный кофейный столик коричневого цвета.

– Опять блажит, – сказала Нэнси.

– Совсем хрычовка из ума выжила, – выругалась Нора.

– Так и хочется затушить о нее окурочек, – процедила Нэнси, у которой, по обыкновению, в зубах торчала папироса.

Близнецы злобно взирали на круглый приземистый столик. Казалось, будто он слегка покачивается из стороны в сторону.

– Жалко, когда вот в такое превращаются, – прокомментировала Этель Коробс. Она уже погрузила свою свинью в прицеп и, встав перед столиком, постучала по его ножке носком резинового сапога.

Кофейный столик на самом деле был старой-престарой ведьмой по имени матушка Кровохлебка, которая жила в ветхой лачуге у заброшенного карьера в самой бедной части города.

В молодости матушка Кровохлебка, грозная ведьма старой закваски, держала в страхе всю округу: заставляла людей мучиться чирьями, наводила сглаз на мясников, если в купленных котлетах попадались хрящики, и заколдовывала младенцев так, что родные матери переставали их узнавать. Сейчас она одряхла и, как многие старики, начала блажить. Одной из ее причуд было превращение в кофейный столик. Оснований к тому не имелось – кофе стоил дорого и матушка Кровохлебка его не употребляла, а поскольку жила она одна, ставить на нее чашку с блюдцем тоже было некому. Однако стоило полоумной ведьме вспомнить заклинание, которое превращало ее из седой усатой старухи в низенький дубовый столик с гнутыми ножками и стеклянной столешницей, она тут же его применяла, а вот как превратиться обратно в человека, забывала.

– Садитесь уже, – подала голос из автобуса Мейбл Бряк. – Оставьте чокнутую старушку в покое.

От матери-русалки Мейбл унаследовала чешуйчатые ноги, которые быстро пересыхали и начинали зудеть, поэтому она хотела побыстрее добраться до Ветряной Пустоши, где воздух был сырой и прохладный.

Однако в эту минуту случилось кое-что необычное. Два воробья, которые сердито чирикали в придорожной канаве, подняли головы и запели соловьями. Из ниоткуда появилась россыпь сверкающих бабочек, и над закоптелым автобусным парком поплыл аромат омытого утренней росой первоцвета.

– А-а, *эта* явилась. – Нэнси Горлодрай передернуло от отвращения. – Все, пойду внутрь. – Закинув клетку с курицей в прицеп, она прыгнула в автобус.

– Я тоже, – заявила Нора. – Терпеть ее не могу! И как такую дурищу на шабаш пускают? Ей-ей, не понимаю.

Из-за угла выплыла Белладонна – совсем еще молоденькая ведьма с пышными золотистыми волосами, в которых сморщенной черносливиной висела летучая мышь-ночница. В кудрях Белладонны всегда кто-нибудь да сидел: то птенец дрозда, оставленный под присмотром ведьмы, пока его мамаша добывала червячков, то бельчонок, решивший полакомиться орехами в безопасном месте, то бабочка, которая приняла девичью голову за лилию или розу. Вздернутый носик Белладонны служил удобной посадочной площадкой притомившимся божьим коровкам. Лоб у нее был высокий и чистый, а глаза – синие, точно барвинки. С грустным и нерешительным видом Белладонна подошла к автобусу – она давно усвоила, что

от товаров не стоит ожидать ничего, кроме подначек, – но, увидев кофейный столик, тотчас отвлеклась от собственных неприятностей.

– Бедная матушка Кровохлебка! Опять забыли заклинание отмены?

Столик качнулся, и Белладонна обвила его руками.

– Ну же, напрягитесь. Сейчас вы его вспомните. Заклинание было в стихах?

Столик закачался сильнее.

– Да? Уверена, еще чуть-чуть, и оно всплывет в памяти. – Молодая ведьма прижалась щекой к стеклянной столешнице, посылая измученному старческому разуму волны исцеления. – Вот, вот, я прямо чувствую, как вы вспоминаете...

Раздался короткий свистящий звук, Белладонна шлепнулась на тротуар, а перед ней возникла старуха в обгрызенном мышами плаще и домашних войлочных тапках с вырезами по бокам.

– Спасибо, милая, – прокаркала матушка Кровохлебка. – Ты – добрая душа, хоть и... – Выдавить из себя ужасное слово она не смогла – ни одна злая ведьма на это не способна. Матушка кое-как доковыляла до автобуса и начала забираться в него, прижимая к груди внушительную жестяную коробку с изображением коронации Георга VI на крышке. Вообще-то, коробку следовало погрузить в прицеп – по правилам, все фамильяры ехали отдельно, – но матушка Кровохлебка никогда с ней не расставалась. Внутри копошилась масса жирных белых опарышей; если на них подуть, они превращались в тучу мух. С одной мухи в колдовстве мало толку, но целая Туча Мух, которые забиваются в нос, глаза и волосы, – это отличный фамильяр.

Белладонна села в автобус последней. У нее единственной из всех не было фамильяра – для белой магии он и не нужен, – и это заставляло ее еще острее ощущать свое одиночество.

Глава 3

Сколько Белладонна себя помнила, она была белой ведьмой. Уже в младенчестве особые ведьминские зубки она использовала только для того, чтобы откупоривать молочные бутылки – ей нравилось угощать синичек сливками с крышечки. С годами добрая направленность чар только росла. Там, где ступала нога Белладонны, распускались цветы, с небес начинали звучать прекрасные хоралы, а когда она улыбалась, пожилым джентльменам вспоминались рождественские подарки, которые они получали в детстве. Что же до золотых волос Белладонны, то первые обитатели в них завелись, когда кудри доросли примерно до пояса, лет в шесть.

Белладонна страстно мечтала перейти на темную сторону. Терзать, поражать недугами, проклинать – что может быть лучше! Увы, несмотря на умение исцелять, вызывать рост цветов и разговаривать с животными на их языке, сотворить даже самое простое злодейское заклинание – например, превратить молодой огурчик в жирную и вонючую кровяную колбасу – было ей не по силам. А ведь она так старалась! По утрам перед выходом на работу (Белладонна работала продавщицей в цветочной лавке) она вставала у открытого окошка и произносила: «С каждым днем я делаюсь все черней и злобней».

Однако ни черней, не злобней она не становилась, и труднее всего было сносить презрение и едкие насмешки других ведьм. Белладонна с ужасом ждала очередного шабаша, где вновь придется терпеть издевательства, тоскливо переминаясь с ноги на ногу вдали от общего веселья и довольствоваться компанией чужих фамильяров. Честно говоря, ездила она туда лишь в надежде, что однажды ей перепадет хоть капелька черноты.

Автобус выехал из Тодкастера. По пути нужно было подобрать еще одну пассажирку – тощую, бледную ведьму по прозвищу Моналот. Так звали героиню радиопьесы, большую любительницу жаловаться. Настоящее имя Моналот было Гвендолин Топь, и она играла на арфе в городском оркестре. Мисс Топь происходила из семьи баньши – разновидности злых ведьм, которые воем и стенаниями предупреждают людей о грядущих бедах. Баньши – квелые, крайне болезненные существа, и Моналот так часто хворала, что по дороге на шабаш ведьмам приходилось за ней заезжать.

– Даже к калитке не вышла, – с досадой констатировала Мейбл Бряк. В салоне автобуса работал кондиционер, отчего у нее страшно чесались ноги.

Белладонна, вечная «девочка на побегушках», вышла из автобуса и направилась через сад к небольшому коттеджу Моналот, который, как гласила табличка на воротах, носил название «Мерзкий уголок».

У хозяйки оказалось не заперто. Белладонна торопливо миновала коридор, постучав, распахнула дверь спальни и сразу поняла, что Моналот на шабаш не поедет. Бедную ведьму с ног до головы покрывала мелкая красная сыпь.

– У меня корь, – жалобно сообщила Моналот, – и у Перси тоже. – Она слабо махнула рукой в сторону угла, где лежал ее фамильяр – большой, печальный баран. Больной корью баран – явление редкое, но там, где речь идет о ведьмовстве, возможно всякое.

Белладонна искренне огорчилась.

– Если нужна моя помощь... – начала она.

Как и большинство ведьм, Моналот ненавидела слово «помощь».

– Не нужна, – прохныкала она. – Просто уходи. Все равно никому нет до меня дела...

Белладонна налила больной чаю, взбила подушки и удалилась. Выходя, она заметила на туалетном столике Моналот утыканные иглами восковые фигурки местного доктора и медсестры.

– Все плохо, – известила Белладонна попутчиц. – Мисс Топь слегла с корью.
– Глупая старая баньши, – злобно прошипела Нора Горлодрай.
– В семье Топь отродясь здоровяков не было, – заметила матушка Кровохлебка, раскрыв жестяную коробку и помешивая шевелящуюся массу червей длинным костлявым пальцем. Свое занятие она продолжала всю дорогу до самой Ветряной Пустоши.

Уже через два часа шабаш был в разгаре. Посреди вересковой пустоши весело трещал костер, пламя озаряло Великий камень, на котором приносили кровавые жертвы древние друиды. В ночном воздухе стояла вонь от горелых перьев поджаренной на огне галки. Ветер гонял облака, в просветах между которыми нервно поблескивала луна. Ведьмы уже закончили пиршество, и от неприличных песен (рифмой к слову «чулки» в них служат не только «сучки», но и «пупки» и даже «кишки») перешли к парным пляскам. По крайней мере, пыхтели они вовсю. Толстухе Этели Коробс, которая выписывала кренделя вместе с Мейбл Бряк, изрядно мешали резиновые сапоги, а также собственные внушительные габариты.

– Не в ту сторону, идиотка! – рывкнула на сестру Нэнси. – Двигаться нужно противосолонь!

– Это и есть противосолонь, корова безмозглая! – огрызнулась Нора.

Матушка Кровохлебка давно не участвовала в танцах. Она сидела у самого огня, подвернув дырявый плащ так, чтобы жар от костра прогрел ее обезображенные артритом ноги. Время от времени рои мух, пьяно круживших над головой ведьмы, исчезали в пламени костра.

Белладонна, как обычно, грустила в стороне. Во-первых, никто не желал составить ей пару в танцах, а во-вторых, подобно матерям, которые вверяют своих отпрысков заботам мамок и нянек, ведьмы поручили ей отвести всех фамильяров к чахлой купе терновника и строго присматривать за ними.

Задача была непростая. Стоило фамильярам завидеть Белладонну, как они начинали буквально сходить с ума. Здоровенная свинья Этели Коробс рухнула на землю, точно поваленное бурей дерево, и, задрав все четыре копытца, визжала, требуя почесать ей брюхо. Куры сестер Горлодрай, которые не неслись уже лет сто, вдруг распушили перья и заклохотали, усердствуя в попытках порадовать Белладонну свежим яичком. Осьминожка Дорис выпростала из ведерка щупальце и нежно положила его на колено юной колдуньи.

Тем временем остальные ведьмы все больше входили в раж. Матушка Кровохлебка смаковала темную жидкость из бутылочки с надписью: «Политура. Внутрь не употреблять». Мейбл Бряк высоко вскидывала чешуйчатые ноги, сверкая подвязками из кожи рогозуба. Близнецы Горлодрай яростно пинали голени друг дружки. И тут вдруг произошло нечто в высшей степени необычное.

Сперва раздался низкий зловещий рокот – казалось, он исходил из самых недр. Потом земля задрожала, и под Великим камнем друидов возникла огромная трещина.

– Землетрясение! – заорала Мейбл Бряк. Ведьмы распластались на вересковой пустоши, в страхе бормоча что-то нечленораздельное.

Затем раздался оглушительный раскат грома, вслед за которым сверкнула молния, такая яркая, что стало светло как днем.

– Гром прежде молнии! – взвыла матушка Кровохлебка и начала колотиться седой головой о землю.

А потом за клубился туман. Густая желтая волна, плотная и удушливая, заволокла пустошь, накрыв ее холодной сырой тьмой.

– Конец света, – стуча зубами, прошептала Этель Коробс.

– Это Смерть простирает свою длань! – завизжала Нора Горлодрай.

На ногах осталась лишь Белладонна. Она делала все, чтобы успокоить перепуганных фамильяров.

Туман исчез так же внезапно, как и появился. Напоследок еще раз ударил гром, и изумленные ведьмы ахнули: на Великом камне, широко расставив ноги, стояла фигура, исполненная такого великолепия, что от восторга захватывало дух.

Арриман тщательно позаботился о своем наряде. Плечи его укрывала мантия с вышитыми по ней звездами и планетами, штаны были из золотой парчи, а на голове красовались не рожки, но величавые оленьи рога, которые Лестер искусно закрепил за ушами.

Прибавьте к этому сатанинские брови, усы вразлет и зеленовато-желтое сияние над головой колдуна, и станет ясно, что от такого красавца просто невозможно было отвести глаз.

– Приветствую вас, о, дочери тьмы, проклинаящие все живое, – низким глубоким голосом произнес великий маг.

– Приветствуем тебя, чародей, – благоговейно пролепетали ведьмы, поднимаясь с земли.

Белладонну, скрытую за кустами терновника, Арриман не заметил, зато его взору предстала Мейбл, чей морской слизняк съехал с головы на один глаз, Этель Коробс с прилипшим к подбородку обгорелым галочьим пером, матушка Кровохлебка и близнецы Горлодрай. Едва увидев их, он сразу же попытался слезть с камня.

– Спокойно, сэр, – сказал мистер Ледбеттер, который стоял позади со стопкой бумаг.

– Сэр, в роду Канкеров не было трусов, – прогудел Лестер, опустив на плечо хозяина тяжелую ручищу.

Поняв, что пути к отступлению отрезаны, Арриман неохотно вскарабкался обратно. Ведьмы тем временем пришли в неопишное волнение. Они наконец сообразили, что перед ними стоит величайший из колдунов, сам Чародей Севера, которого никто не видел уже много-много лет.

– Знайте же, – мужественно заговорил волшебник, – я – Арриман Ужасный, Ненавидящий Солнце, Губитель Прекрасного.

– Знаем же, то есть, мы знаем, – нестройным хором отозвались ведьмы.

– Знайте также, что я провел девятьсот девяносто дней в ожидании нового чародея, чье появление в Мрачингтон-холле было предсказано цыганкой Эсмеральдой. – Арриман вдруг почувствовал запах навоза от резиновых сапог Этель Коробс, и его качнуло.

– Держитесь, сэр, – подбодрил из темноты голос Лестера.

Усилив воли черный маг взял себя в руки и продолжил:

– Да будет вам известно, что предсказанное не сбылось, и посему я, Арриман Фредерик Канкер, решил вступить в брак и произвести на свет наследника.

Возбуждение ведьм достигло предела. Они принялись толкать друг дружку локтями переговариваться, фыркать и хихикать, – все знали, что Арриман поклялся никогда не жениться. Одна Белладонна тихонько стояла в стороне и с любопытством разглядывала знаменитого колдуна своими синими, как барвинки, глазами.

Арриман набрал в грудь побольше воздуха и объявил:

– Знайте, что в жены я намерен взять одну из ведьм Тодкастера, и та, на которую падет мой выбор, будет властвовать... – Голос его дрогнул. – Нет, не могу. – Он прикрыл веки ладонью: перед его взглядом в отблеске пламени только что мелькнул волосатый подбородок матушки Кровохлебки, облепленный мухами.

– Сэр, негоже давать задний ход, – вполголоса промолвил мистер Ледбеттер, однако и он, и людоед, выглядывавший из-за камня, чрезвычайно расстроились. Они не представляли, что в Тодкастере все *настолько* плохо.

Арриман предпринял последнее отчаянное усилие.

– Знайте же, что на неделе перед зловещим праздником Хэллоуина в моем замке состоится великое состязание ведьм, и та из вас, что сотворит самую черную, отвратительную и гадкую волшебку, станет моей избранницей!

После этих слов в стане ведьм началось нечто невообразимое. Дождавшись, пока безумные прыжки, вопли, нервный хохот и икота стихнут, Арриман добавил:

– Мой секретарь, мистер Ледбеттер, изложит все условия конкурса. И помните, – Арриман простер перед собой руки, – главное – это мощь заклинания, жестокость и самое злодейское злодейство. Тьма превыше всего! – Облегченно выдохнув, колдун растаял в воздухе.

После того как ведьмы снова утихомирились, мистер Ледбеттер вышел из-за камня и раздал ведьмам бланки заявок на участие в турнире. Матушка Кровохлебка, не владевшая грамотой, держала свой бланк вверх ногами, а близнецы Горлодрай сразу же принялись спорить, сколько дней осталось до Хэллоуина.

– А там что за барышня? – поинтересовался мистер Ледбеттер, заметив смутно белевшие за кустами волосы Белладонны.

– А, вы об *этой*. Не обращайтесь внимания, – махнула рукой Нэнси Горлодрай.

– Она не из наших, – поддакнула ее сестрица.

– И все же она ведьма, – возразила матушка Кровохлебка, выплюнув пару мух. У нее единственной иногда находилось для Белладонны доброе словечко.

Мистер Ледбеттер приблизился к зарослям терновника, где юная ведьма не оставляла попыток успокоить взбудораженных фамильяров.

– Надо же, какая жалость! – огорченно заметил он, представившись, ибо с первого взгляда понял, в чем дело. Крохотная летучая мышь, устроившаяся в волосах Белладонны, клохчущие куры у ног, аромат первоцвета, омытого утренней росой...

– Вы всегда были... э-э-э?..

– Белой? – грустно подсказала Белладонна. – Да. С рождения.

– И это никак не исправить?

Белладонна покачала головой.

– Я все перепробовала.

– Значит, вы не примете участия в конкурсе?

Молодая ведьма снова отрицательно покачала головой.

– Какой смысл? Он же сам сказал: «Тьма превыше всего!» – Ведьмы, как и колдуны, не умеют плакать, но глаза Белладонны потемнели и расширились от горя. – Скажите, он действительно такой... замечательный?

Мистер Ледбеттер задумался. Перед его мысленным взором всплывали картины: вот Арриман беснуется в припадке злости оттого, что не может найти подтяжки; вот радостно хихикает, запуская в ванну электрических угрей; Арриман заставляет секретаря открывать контейнер с дюжиной вонючих эму, заказанных для домашнего зоопарка... Однако подлости или малодушия в своем хозяине Ледбеттер ни разу не замечал, а потому, не кривя душой, сказал:

– Он – джентльмен. Настоящий джентльмен.

– Так я и думала, – вздохнула Белладонна.

– На всякий случай, оставлю вам бланк заявки, – он протянул ведьме листок бумаги, – вдруг передумаете. Кстати, не могли бы вы оказать любезность и передать второй бланк... мисс Топь, так, кажется, ее зовут? – Ледбеттер уже развернулся, но тут вспомнил еще кое-что. – Через минуту я исчезну, – сообщил он, – то есть, рассчитываю исчезнуть. Сам-то я магией не владею, приходится целиком полагаться на хозяина. Надеюсь, Арриман про меня не забудет. Так вот, после этого на камне останутся небольшие подарки для каждой из вас. Непременно заберите свой.

– Спасибо, заберу, – поблагодарила Белладонна и застенчиво прибавила: – Простите за откровенность, но, когда вы повернулись, я обратила внимание, какой он прелестный, – я имею в виду ваш хвостик. Обычно у мужчин сзади все так плоско и скучно...

Мистер Ледбеттер был невыразимо тронут.

– Благодарю, дорогая. Ваш комплимент меня искренне порадовал. Разумеется, это все благодаря выигрышному освещению. При дневном свете он смотрится... грубовато.

Он тепло пожал ей руку и уже собирался поведать о своем детстве и о том, какое потрясение пережил, обнаружив, что отличается от остальных мальчиков, но тут Арриману срочно понадобился его секретарь. Пыхнуло легкое облачко дыма, и мистер Ледбеттер испарился.

На Ветряной Пустоши поднялся шум и гам.

– Смотрите, там, на камне!

– Вон, вон, блестит что-то!

В следующее мгновение ведьмы, толкаясь и отпихивая друг друга, уже разбирали чудесные овальные зеркальца в оправе из драгоценных камней. Все тут же бросились глядеться, однако вместо отражения их собственных уродливых физиономий зеркала показывали импозантную внешность Арримана: грозно сверкающие глаза, нос с благородной горбинкой и великолепные усы. Более того, зеркала демонстрировали, чем занят могущественный чародей в ту или иную минуту, дабы ведьмы ознакомились с привычками Арримана и примерно представляли, какая жизнь ожидает их в Мрачингтоне в случае победы.

– Какой мужчина! – восхитилась Нора Горлодрай.

– Тебе все равно не победить. Конкурс выиграю я! – решительно заявила Нэнси.

– Ох, я тоже не прочь выйти за эдакого молодца, – пробормотала Этель Коробс. – На конкурсе наколдую овцам вертячку, а коровам – вспученное брюхо.

Мейбл Бряк с жалостью улыбнулась, глядя на товарок. Куда им до нее, ведь она дочь русалки. Можно считать, победа у нее в кармане. «Мейбл Канкер, Чародейка Севера». Звучит неплохо.

– А я-то все печалилась, что мой бедный муженек давно в гробу, – проскрипела матушка Кровохлебка. – Зато теперь тоже поучаствую в состязаниях.

– Ты? – близнецы Горлодрай чуть не задохнулись от возмущения. – Да ты еле ноги волочишь, перечница старая!

– А хоть бы и так, – согласилась матушка Кровохлебка, – разве мало среди мужчин охотников до зрелых дам? Вот погодите, сделаюсь опять молодухой, всем вам жару задам! Только бы заклинание вспомнить.

Белладонна робко приблизилась и забрала одно из двух оставшихся зеркал, что поблескивали на камне. Арриман как раз снимал оленьи рога; огромные лапы Лестера разматывали клейкую ленту. Чародей выглядел усталым и разочарованным. Погладить бы его сейчас по голове и утешить...

– А ты чего тут ошиваешься? – зыркнула на Белладонну Мейбл Бряк. – Тебе уж точно победа не светит.

– То-то смеху было бы! Розы на снегу, птичьи трели, ха! – осклабилась Нора Горлодрай.

Белладонна ничего не сказала в ответ. Молча помогла собрать корзинки, отнесла в прицеп ведерко с Дорис, почесала хрюшку Этели Коробс, но не села в автобус вместе с другими ведьмами. Хотя дорога до Тодкастера была долгой, а ночь – темной, Белладонну это не пугало. Больше всего сейчас ей хотелось остаться одной.

Она тихонько сидела на камне – том самом, где несколько часов назад горделиво стоял он, – и глядела в зеркальце, как вдруг тоненький голосок сердито пропищал ей в ухо:

– По-моему, ты просто размазня. Размазня и трусиха.

Вздвогнув, Белладонна выпрямилась, но в следующий миг осознала, что писклявый голос – вовсе не человеческий, а мышиный, и доносится он из ее собственных волос.

– Бесхребетное создание, вот ты кто, – продолжала летучая мышь. – Хоть бы попробовала, а? В любом случае, ты ничего не теряешь.

– Глупости, – возразила Белладонна. – Сама прекрасно знаешь, мне не удастся даже простейшее заклинание – сделать так, чтобы у кого-нибудь изо рта выпали лягушки.

– Все мы меняемся, – заметило крохотное существо. – Взять хотя бы мою тетушку Кривозубку, уж такая бестолковая летучая мышь была, просто слов нет. Высосать сок из перезрелой груши и то не могла, мужу самому приходилось когтем кожуру прокалывать. А потом они взяли и отправились в отпуск за границу – в Трансильванию, что ли. Представь, на отдыхе тетушка познакомилась с семейкой летучих мышей-вампиров и наотрез отказалась возвращаться домой, там и осела. Видела бы ты ее сейчас! Сосет кровь, как материнское молоко, и балдеет себе. Ну, а ты чем хуже моей тетки?

Белладонна вновь склонилась над зеркалом. Арриман собрался отходить ко сну и надел пижаму из желтого шелка с черным кантом.

– Это правда – насчет тетушки?

Летучая мышь в темноте залилась краской. Эту историю она выдумала от начала до конца просто из любви к Белладонне. Однако молодая ведьма ничего не заметила. Она напряженно думала. Прийти на конкурс – значит, как минимум, еще раз увидеть Арримана. Само собой, он будет в составе судейского жюри. Ну, а, оказавшись там, она найдет способ как-нибудь утешить чародея и развеять его тоску.

Белладонна резко встала.

– Хорошо, – сказала она, – так и сделаем. Я попробую.

Глава 4

Мистер Ледбеттер обожал смотреть телевизор. Не считая хвостика, во всем остальном он был совершенно обычным человеком, и, когда магия и прочие странности, творившиеся в Мрачингтоне, чересчур его утомляли, он потихоньку отправлялся к себе в комнату и включал чудесный ящик.

Одной из любимых телепередач мистера Ледбеттера была трансляция конкурса красоты «Мисс Мира». Конечно, считал он, глупо, что девушки разрешают себя измерять, точно они – морковки на сельскохозяйственной выставке, или ходят по кругу, словно цирковые лошади, и все же ему очень нравилось, когда конкурсантки из разных стран съезжались в шикарный отель, а потом выходили на сцену сперва в национальных костюмах, затем в вечерних платьях и наконец в купальниках. Когда же первая красавица планеты поднималась на пьедестал и ей на голову водружали корону, у мистера Ледбеттера всякий раз подкатывал к горлу комок.

После того как Арриман объявил о турнире для выбора самой зловредной ведьмы в Тодкастере, секретарь чародея решил сделать состязания похожими на конкурс «Мисс Мира», только, разумеется, без дефиле в купальных костюмах. Этот этап он исключил еще до того, как воочию увидел матушку Кровохлебку Мейбл Бряк и Этель Коробс. Тем не менее он счел удачной идеей поселить всех ведьм в отеле, привести в порядок их одежду, научить манерам и только потом отправить в Мрачингтон. Самое главное – чтобы все шло по правилам и конкурсантки не жульничали. Любая ведьма, которая наложит заклятье на другую ведьму, будет немедленно *дисквалифицирована*.

Для этих целей мистер Ледбеттер снял отель «Гранд-Спа» в предместьях Тодкастера. Отель был роскошный, с банкетным залом, коктейль-баром и полосатыми шезлонгами на террасе. Управляющий, который привык иметь дело со съездами политиков, учителей и духовенства, с воодушевлением воспринял новость о грядущей конференции ведьм.

Однако уже после первого дня, проведенного в отеле, мистер Ледбеттер начал думать, что совершил чудовищную ошибку. Матушка Кровохлебка, близнецы Горлодрай и Этель Коробс вели себя совершенно не так, как Мисс Австралия, Мисс Бельгия и Мисс США. Если бы не Белладонна, признался секретарь отряженному в помощь Лестеру, он бы вообще бросил эту затею и предоставил Арриману самостоятельно заниматься выбором жены.

Белладонна, которая приехала раньше других и привезла в соломенной корзинке зубную щетку, ночную сорочку и волшебное зеркальце, оказалась просто чудом. Это Белладонна тактично попросила Этель Коробе снять резиновые сапоги и спрятала их в кладовку после того, как Управляющий пожаловался на кучки навоза, оставленные на ковре. Это Белладонна обмотала липкой лентой жестяную коробку матушки Кровохлебки и убедила старуху, что в приличных отелях не спускаются к обеду в окружении Тучи Мух. А когда Мейбл Бряк залезла в ванну прямо в одежде (у нее пересохли ноги) и Дорис, не привыкшая с кем-то делить водоем, забрызгала ведьму чернилами, именно Белладонна все отмыла и успокоила раздраженную осьминожку, предоставив ей собственную ванну. Увы, благодарностей она не дождалась.

– У меня прямо кровь вскипает, когда я слышу, как они с тобой разговаривают, – сказал ей Лестер.

– Видите ли, им трудно привыкнуть к тому, что я... ну, вы понимаете, – ответила Белладонна.

Воспользовавшись короткой передышкой, они пили чай в офисе, который Управляющий любезно предоставил в распоряжение мистера Ледбеттера. Лестер, впервые увидевший ведьм при свете дня и до глубины души пораженный этим зрелищем, нервно оглядывался

по сторонам в поисках шпаги, которую можно было бы проглотить. Мистер Ледбеттер, как всякий организатор, копался в бумагах и за все переживал.

– Может, тебе только кажется, что ты белая? – не отставал Лестер. Он взял в руки зонтик Управляющего, скептически осмотрел и поставил на место. Опыта проглатывания зонтиков людоед не имел, и, если бы эта штука раскрылась у него в животе, ему пришлось бы худо.

– Боюсь, нет, – покачала головой Белладонна. Она, по обыкновению, смотрела в магическое зеркальце, которое повсюду носила с собой. Арриман, сгорбившись, сидел в какой-то каморке, по виду – в чулане для метел.

– А ты попробуй! – загорелся Лестер, страстно желавший, чтобы хозяйкой Мрачингтон-холла стала Белладонна. – Видишь печатную машинку на столе? Готов спорить, если постараться, то легко превратишь ее в клубок змей или что-нибудь в этом духе. Главное, поверь в себя!

Белладонна вздохнула. Она знала, что пытаться бесполезно, но не любила разочаровывать окружающих, а потому встала и порылась в кармане юбки в надежде на волшебную палочку или что-нибудь подобное. Разумеется, в кармане не нашлось ничего, кроме горсточка целебных трав, крохотного мышонка и номерного кольца почтового голубя, удравшего с голубятни. Белладонна спрятала содержимое кармана обратно, зажмурилась, взмахнула руками над печатной машинкой и мысленно представила самые отвратительные вещи, которые только пришли ей на ум: сырую печень, шнурки для ботинок и разрытые могилы. Затем она отступила назад.

– Батюшки! – ахнул мистер Ледбеттер.

Машинка превратилась вовсе не в клубок ядовитых змей, а в горшок с алой бегонией – чудесной, благоухающей бегонией, в цветах которой жужжали золотистые пчелки.

– Мило, – угрюмо заметил людоед.

– Я же говорила, – виновато прошептала сконфуженная Белладонна. Она вернула печатной машинке первоначальный вид и взяла в руки зеркальце. С каким презрением отнесся бы к ней Великий Чародей, если бы увидел эти жалкие потуги!

– По-прежнему хандрит? – осведомился Лестер.

– Ну что вы, «хандрит» – это не про Арримана Ужасного, – возразила Белладонна. – Хотя настроение у него в последнее время не очень.

– Поддерживаю, – согласился людоед.

Колдун и вправду пребывал в ужасном состоянии с того самого дня, как на шабаше узрел всех кандидатов в жены. Его мучили кошмарные сны, он просыпался с криками и бормотал что-то о мухах и волосатых подбородках, которые гоняются за ним по коридорам. У чародея пропал аппетит, начали вылезать усы. Он нещадно гонял Магического Дозорного, заставляя того отправляться к воротам задолго до рассвета, в отчаянной надежде, что новый колдун все же явится и необходимость в женитьбе отпадет.

– Почему он сидит в чулане для метел? – недоумевала Белладонна.

– Ждет сэра Саймона, вот почему, – нахмурившись, ответил Лестер. – Чулан – любимое место призрака.

– Это тот покойный джентльмен, с которым он иногда разговаривает?

Лестер кивнул.

– Он самый. Скончался в 1583 году. Зарезал семь жен.

Мистер Ледбеттер отложил бумаги в сторону, подошел к Белладонне и вместе с людоедом заглянул ведьме через плечо. В зеркальце появилась мутная тень, и Арриман обрадованно вскочил.

– Не нравится мне это, – покачал огромной головой Лестер. – Хозяин давно пробовал воскресить сэра Саймона, но после шабаша вообще ни о чем другом думать не может.

Когда сегодня я принес ему на завтрак вареное яйцо, он сидел в кровати с огромной книгой, «Некромантия» называется. Плохо дело.

– Не стоит беспокоиться, – произнес секретарь. – Уже двести лет никому не удавалось воскресить привидение.

На самом деле мистер Ледбеттер немного тревожился. А вдруг Арриману удастся его затея? Убийца семерых жен – не самый приятный жилец в доме, где намечается свадьба.

Через час ведьмы в полном составе собрались в холле отеля, ожидая, когда мистер Ледбеттер ознакомит их с правилами конкурса. Каждая приложила уйму стараний, чтобы выглядеть достойно. Мейбл Бряк украсила свои жесткие курчавые волосы сушеными икринками, матушка Кровохлебка залепила подбородок свежим лейкопластырем, а Этель Коробс нашла мужество отказаться от резиновых сапог и вышла в свет в толстых шерстяных носках.

– Все собрались? – спросил мистер Ледбеттер, задержав взгляд на Белладонне, которая скромно сидела поодаль от остальных.

– Не все, – выкрикнула Нэнси Горлодрай, бренькнув серьгами из костяшек пальцев. – Придурочной Миналот нету.

Секретарь вздохнул. Мисс Топь прислала заполненную заявку, но сама так и не приехала, а мистер Ледбеттер на дух не выносил беспорядка и путаницы.

– Куда ей на конкурс! – подала голос Мейбл Бряк. – Размазня-баньши.

– А еще этот ее баран, – поддакнула Этель Коробс. – Как глянешь на него, так хоть вешайся с тоски.

Остальные закивали. Перси, фамильяр Моналот, действительно был невероятно унылой скотиной, убежденной, что у прочих овец трава зеленее, а жизнь – лучше и *насыщенной*.

– Что ж, придется начинать без нее, – заключил мистер Ледбеттер.

Тут портье что-то шепнул ему на ухо. Лицо мистера Ледбеттера просветлело.

– Проводите ее сюда, – попросил он портье и громко объявил: – У нас еще одна участница.

Однако, судя по виду, провожать новую участницу вовсе не требовалось: надменно и важно она вплыла в холл, точно королева. Ведьмы испуганно съежились в креслах, а Белладонна охнула. Вошедшая даже отдаленно не походила на бледную, худосочную мисс Топь. Новая ведьма оказалась долговязой дамой с черными волосами, уложенными в высокую прическу. Длинные ногти были накрашены кроваво-красным лаком, плечи укрывала накидка из тюленьего меха; на запястьях и пальцах сверкали бриллианты и жемчуга, а ожерелье было – о ужас! – из человеческих зубов. Однако более всего публику поразил фамильяр новой ведьмы: на поводке, отделанном стразами, неуклюже ковыляло странное серое животное с вытянутой мордой, свиным пяточком и когтями устрашающей величины.

– Это еще что за зверь? – шепотом спросила матушка Кровохлебка, которая за всю жизнь не наскребла денег на поход в зоопарк.

– По-моему, это муравьед, – так же шепотом отозвалась Белладонна.

– Добрый вечер, – надменно произнесла новоприбывшая. – Меня зовут мадам Олимпия. Я приехала на турнир.

– Боюсь, тут какое-то недоразумение, – произнес мистер Ледбеттер. – в конкурсе могут принять участие только местные, тодкастерские ведьмы.

Мадам Олимпия улыбнулась – от этой улыбки бросало в дрожь.

– Все верно, я – самая что ни на есть местная ведьма.

– Но как такое возможно? – начал мистер Ледбеттер. – Мы...

– Я приобрела в собственность «Мерзкий уголок», коттедж мисс Гвендолен Топь, – перебила черноволосая ведьма, небрежно бросив поводок со стразами на ручку кресла. – Тесноват для меня, но по-своему прелестный. Мисс Топь изъявила желание посмотреть мир.

– Быть того не может! – решительно возразила матушка Кровохлебка. – Если из дому хоть на шаг выйти надо, бедняжка вся пятнами покрывается, а скажи про путешествия, и с ней припадок сделается.

– Тем не менее она отправилась путешествовать, – твердо сказала мадам Олимпия и снова зловеще улыбнулась. – Кажется, в Турцию.

Она раскрыла сумочку из крокодиловой кожи, достала пудреницу и принялась пудрить нос. Стоило Белладонне поймать самовлюбленный взгляд, которым мадам Олимпия наградила свое отражение, и она сразу поняла, что перед ней злая фея – ведьма самого древнего, черного и опасного вида. К этому же типу относилась Моргана ле Фэй – чародейка, по вине которой погиб славный король Артур, и Цирцея, обратившая храбрых спутников Одиссея в свиней. Злые феи прекрасны собой, но их красота обманчива. Они наводят морок, чтобы заманивать мужчин в ловушку, делать их беспомощными и выпытывать секреты. Добившись своего, феи убивают пленников.

– Хорошо, мадам, передайте мне, пожалуйста, заполненную заявку, – сказал мистер Ледбеттер.

Правила есть правила: раз ведьма поселилась в Тодкастере, то имеет полное право участвовать в состязаниях. И все же мистер Ледбеттер с тяжелым сердцем внес новую конкурсантку в список. Он плохо разбирался в типах ведьм, но при взгляде на мадам Олимпию у него в жилах стыла кровь.

Мадам Олимпия была не из Тодкастера и, более того, вообще не с Севера. Она жила в Лондоне и держала косметический салон – жуткое заведение, в котором попавшихся на удочку глупых женщин уверяли, что при помощи массажа, чудо-кремов, подтяжек и откачки жира сделают из них красавиц. Дурочки платили мадам Олимпии бешеные деньги, а та добавляла в кремы и мази капельку магии, после чего клиентки некоторое время на самом деле выглядели сногшибательно. Действие магии, однако, заканчивалось очень быстро, и женщины становились уродливей прежнего. В панике они опять бежали к мадам Олимпии, выкладывали еще бóльшие суммы, и все повторялось снова. Девушек, которые на нее работали, ведьма держала в черном теле, всячески третировала и платила им сущие гроши.

У мадам Олимпии было пять мужей, и все пятеро куда-то исчезли при весьма загадочных обстоятельствах, перед этим отписав ей свои средства. Сама она утверждала, что мужья умерли один за другим, но вот какая штука: сразу после того, как вдова сообщила о смерти первого супруга, обитателей Эппингского леса напугало появление волка-оборотня с водянистыми голубыми глазами и проплешиной. Второй и третий мужья пропали без вести с разницей в один год, и в обоих случаях работницы косметического салона со страхом замечали, что хозяйкино ожерелье из человеческих зубов изрядно удлинилось. Четвертый супруг действительно врезался на своем «ягуаре» в фонарный столб, зато пятый... Никто не мог утверждать наверняка, что случилось с пятым мужем мадам Олимпии, но гроб, в котором его хоронили, был подозрительно легким. А теперь эта злодейка нацелилась на Арримана Ужасного, Чародея Севера!

Прослышав о конкурсе, она немедленно заявила в Тодкастер и «уговорила» Моналот продать коттедж. Само собой, Моналот никуда не хотела уезжать; она плакала, выла и стенала, как полагается настоящей баньши, но стоило мадам Олимпии вскользь упомянуть, что может приключиться с мисс Топь и Перси в случае отказа, как Моналот ощутила прямо-таки непреодолимое желание продать дом и отправиться в кругосветное путешествие по комплексной турпутевке.

Мистер Ледбеттер начал излагать правила конкурса. Ведьмы должны надеть свободные черные накидки и маски, дабы судьи оценивали их не по внешности, а по колдовским достижениям. Порядок выступления определит случай: творить волшебство конкурсантки будут

по очереди, в соответствии с номером, который вытащат из шляпы. Перед началом турнира нужно подать перечень реквизита, чтобы организаторы заранее приготовили все необходимое: драконью кровь, решето для плавания по морю и так далее.

Мадам Олимпия слушала вполуха. Ей хватило одного взгляда на соперниц, чтобы увериться в своем превосходстве. Правда, молодая золотоволосая ведьмочка довольно смазлива, но ее можно не брать в расчет – сразу видно, что она *белая*. Титул хозяйки Мрачингтона непременно достанется Олимпии, и уж тогда...

Едва дождавшись, пока мистер Ледбетгер закончит, она встала и сладко потянулась.

– Проследите, чтобы муравьеда накормили и напоили, – небрежно бросила она. – Пойду переоденусь к ужину.

С этими словами она выплыла из холла, оставив прочих ведьм кипеть от злости.

– Заносчивая корова! Ехидна! – прошипела ей вслед Нэнси Горлодрай. – Чтоб ей сдохнуть!

Как ни странно, на этот раз Нора полностью поддержала сестру.

* * *

Этой ночью Белладонне долго не удавалось заснуть. Ужин прошел замечательно, хотя аппетит у белой ведьмы пропал еще до того, как в ее тарелку с грибным супом упал пластырь, отклеившийся с подбородка матушки Кровохлебки. Потом поднялся шум вокруг Этели Коробс, которая непременно хотела положить любимую хавронью рядом с собой на двуспальную кровать. Когда же Белладонна добралась до своей комнаты, ей пришлось отвлечься на Дорис: осьминожка в ванне призывно вытягивала щупальца и требовала внимания.

Однако тревожило Белладонну совсем иное. Проходя по коридору мимо распахнутой двери номера мадам Олимпии, она мельком увидела злую фею и притулившегося у ее ног муравьеда. Одетая в золотой пеньюар, с распущенными черными волосами, мадам Олимпия стояла посреди комнаты, глядела в магическое зеркальце, предназначавшееся Моналот, и глухо смеялась. Это был поистине жуткий, зловещий смех.

– Ты говорил о Силе и Тьме, Чародей Севера? – донеслось до Белладонны. – Так получи, чего хотел!

Этот ужасный смех все еще стоял в ушах Белладонны, когда она наконец уснула.

Глава 5

Тревога не отпускала Белладонну и наутро. Вне всяких сомнений, мадам Олимпия выиграет турнир и станет миссис Канкер. Сердце Белладонны сжималось от страха за Арри-мана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.